

ГЮЛЬШАН ТОФИГГЫЗЫ

РАССКАЗЫ

«Соломенное наследство»

1

– Подсоби, сынок, – пожилой селянин кряхтел и прикусывал губу, словно от боли, пытаясь взобраться на неширокую доску около извозчика. Всё остальное пространство повозки было занято плотно спрессованным, переложённым ветками для устойчивости и перетянутым пеньковыми бунтами сеном. – Ногой маюсь. Ни согнуть, ни разогнуть, будь она неладна!

– Куда ещё неладней! – скривил рот юноша, хозяин телеги. Не выпуская из рук вожжей, он оттопырил локоть, чтоб старик мог за него ухватиться. – И что тебе, хрычу колченогому, дома не сидится? Стемнеет скоро, а он пердит-ковыляет, пыль поднимает.

Старику наконец удалось влезть на телегу. Неучтивость юноши покорила его: со старшими, хоть и незнакомыми, повежливей бы надо! Но выбора у старика нет. Он не стал выговаривать молодому невеже, опасаясь, что тот передумает подвозить его. Попыхтел, устраиваясь на тесной сидухе, вытащил тряпицу из котомки, отёр пот с лица да пыль с бороды. Снял старую баранью папаху, вытряхнул, но не стал надевать обратно сразу, желая просушить немного белый платок под ней, повязанный на деревенский манер. Ехали молча. Юноша не смотрел в сторону седока. Похоже, что беседовать с попутчиком не очень-то хотел. Подобрал – и ладно. Камень, попавший под колесо, потряхнул телегу. Старик едва удержался, схватив юношу за плечо.

– Полегче, дядя! Руку оторвёшь, – буркнул возница. Он резко одёрнул плечо, рука старика соскользнула. Мужчина негромко вскрикнул, пытаясь сбалансировать, ухватился за кипу сена, но на этот раз не удержался и свалился с повозки. Юноша натянул вожжи и остановил мула. – Да чтоб тебя! – прошипел он, не оборачиваясь в сторону упавшего с телеги старика. – Лезь, давай! Недосуг мне с тобой время терять. Весь день всё наперекосяк!

Увидев, что старик мешкает, молодой человек нехотя спрыгнул с повозки, обошёл её, чтоб помочь упавшему старику встать, да и обомлел: мужчина лежал на спине, раскинув руки и вперив обесцвеченные годами глаза в предзакатное небо. Белый платок на его голове начал краснеть от крови, под затылком темнел большущий камень, наполовину ушедший в землю.

– Только этого мне и не хватало! – скорее злобно, чем сочувственно, произнёс юноша. Он нагнулся, снял котомку с плеча старика. Хотел заглянуть в неё, и тут заметил выцветшую ленту на шее старика под распахнувшимся воротом застиранной деревенской рубахи. Юноша поддел ленту пальцем. На ней, крепко привязанный, болтался небольшой, похожий на кисет для табака, холщёвый мешочек.

– Раз не в торбе, значит, что-то ценное, – смекнул юноша. Он подошёл к телеге, запустил руку под сено, достал оттуда короткий самодельный клинок, прилаженный к деревянной ручке, срезал ленту, раскрыл мешочек и высыпал на ладонь содержимое. Девять золотых монет!.. У юноши аж дух перехватило. Он изумлённо смотрел то на монеты, то на умершего старика. Оглянулся вокруг. Дорога была пуста, окрестности тоже. Заглянул на всякий случай и в котомку. Там лежало какое-то тряпьё и записка. Юноша развернул её. Читал он с трудом. Написанное арабской вязью было городским адресом.

«Кябира, дочь Ага-Мирзы», – запинаясь, прочёл юноша. Вероятно, содержимое холщёвого мешочка предназначалось этой самой Кябуре. Юноша задумался. Не надолго. Всего на мгновение. На самую малость...

– Прости, старик, сам виноват. Нечего было с такими деньгами одному по дорогам шляться. А что, если грабители напали бы?.. Видит бог, ты сам помер. Не судьба, видно, Кябуре, дочери Ага-Мирзы, гостинец от тебя получить. Мой гисмет!

С этими словами молодой человек изорвал на мельчайшие кусочки исписанный листок, спрятал под сено нож, залез на повозку, а мешочек с монетами затиснул под сидушку. Он заторопился. Солнце почти скрылось за лысыми вершинами уснувших столетия назад холмов-вулканов. До посёлка осталось всего ничего. Что делать? Сообщать о смерти незнакомца в жандармерию? Не стоит – затаскают! А ещё хуже – засудят ни за что, на каторгу сошлют. И с монетами расстаться придется, уж точно! Нет, не для того повстречался ему этот глупый старикашка. Судьба наконец сжалилась над ним за мозоли на ладонях и занозы на ступнях, за грубость и нелюбовь отца, за невзгоды, отчаяние, отсутствие надежды. Вот оно – на, бери! Теперь это твоё... распорядись с умом...

Юноша подстёгивал мула кизилowym прутом и уже строил планы. О том, как скоро – не сразу! – купит керосиновую лавку и небольшой виноградник, как будет шаг за шагом расширять дело, налаживать торговлю и... Ну, там время покажет... Он снова хлестнул мула. А потом ещё и ещё. Всё сильнее и сильнее. Бедное животное не могло понять причин такой внезапной ярости хозяина – ведь оно добросовестно и безропотно, как и полагается бессловесной скотине, выполняет свою работу. Хозяин хлестал и хлестал, будто наслаждаясь своей злобой, отгоняя таким образом рвущиеся к его душе искорки совести. Несчастный мул, лишённый возможности увернуться, принимал на свою старую шкуру обжигающий хлестопад несправедного гнева. Повозка с сеном удалялась всё дальше от лежащего на пыльной обочине мёртвого старика, вперившего в небо безжизненный взгляд.

Когда молодой саманщик сгружал привезённое сено в амбар, было уже почти темно. Лёгкие сполохи и глухие звуки далёкой грозы предвещали дождливую ночь. Вовремя он, однако, добрался.

– Оставь, я сам распрягу, – остановил юноша работника, помогавшего ему укладывать в амбар сено. – Иди, скажи хозяйке, что я скоро подойду, пусть накрывает.

– Так поели уже все. Хозяин не велел вас ждать. Матушка вам оставила там, на крышке тандыра миска стоит. Чтоб не стыло.

– Мухи, небось, отъели половину, – злобно процедил сквозь зубы саманщик. Вот она, цена ему в родном доме! Батракам и то посвежее и погорячее харчей достаётся.

– Нет, хозяйка прикрыла. Там и чурек свежий. Она его в полотенце завернула. Славный чурек ваша матушка печёт. Просто объеденье! Дай ей бог здоровья!

Работника не удивила грубость юноши. Устал, поди. Хотя «сахара под языком» не держал никогда. Будто и не знал добрых слов. Такой молодой ещё, а злобный, как пёс. Разве что не кусается.

Когда работник вышел из амбара, саманщик извлёк из-под сидушки холщёвый мешочек с девятью монетами и пристегнул его медной булавкой к порткам изнутри. Матушкин оберег, снятый с булавки и по неловкости обронённый, в темноте уже не сыскать. Решил подобрать его утром. Скорей бы добраться до миски теплой ещё чечевичной похлёбки с кусочками бараньего сала, умять добрый кусок вкуснейшего чурека, испечённого заботливой матушкиной рукой – и спать! Уснуть поскорее, забыть события последних часов, мёртвого старика, оставленного на обочине, уничтоженную записку с адресом Кябиры, дочери Ага-Мирзы, потёртую котомку с незатейливыми бедняцкими гостинцами. Сбросив стоптанные чухи, полосатые штаны и кургузый кафтанишко, юноша лёг на один из уложенных в ряд матрасов, растолкав сопевших и храпевших младших братьев. Уснул сразу, едва голова коснулась пёстрой подушки. Керосиновая лампа в глубокой нише едва светила, фитилёк был почти сух – отец требовал жёстко экономить керосин. Как, впрочем, и всё остальное. Вот уж разинет рот старый скряга, когда он подарит ему бочку керосина. Скоро, когда начнёт торговать. Старый жлоб не был ему родным отцом. Его женили на вдове старшего брата, как было предусмотрено правилами шариатского «домостроя». Овдовевшая сноха уже имела двухлетнего сынишку. Обычное по тем временам дело... Ну, ничего! Скоро вся эта осточертевшая убогость закончится...

Юноша спал крепко, словно растворился... Без снов. Проснулся так же внезапно, как и уснул. Будто мгновение прошло! Что там говорят про муки совести, лишаящие сна и покоя? Когда изо дня в день к вечеру не чувствуешь ног от усталости, ладони горят, как обожжённые, спину не подогнуть от боли, а воздержание от приёма пищи во время поста мало чем отличается от всех остальных не больно сытых дней... Что там совесть!..

Голос муэдзина уже призывал жителей посёлка к утреннему намазу. Отец совершил омовение и расстилал молитвенный коврик на веранде. Работник, наколотивший щепок для самовара, успел и в амбаре прибраться. Он вымел во двор остатки соломы и сжёг их у стены. Кучка соломы и мелких веток сгорела быстро, и теперь над ней вился тонкой струйкой дымок. Где-то там, внутри этой кучки, тлел и матушкин оберег...

2

Красивая сероглазая, статная женщина тридцати пяти лет неспешно спускалась по широкой мраморной лестнице роскошного дома нефтепромышленника Мусаева. Дом, построенный специально для неё и приуроченный к её тридцатилетию, мог бы потягаться великолепием с апартаментами самых богатых и знатных мужей современности. Дом всё тех же Ротшильдов, например, уступал на порядок. Нефтяной бум конца XIX– начала XX века не просто сдул многовековую пыль с крепостных стен прикаспийской столицы, но и сделал её одним из самых неповторимых, восхитительных и привлекательных городов Империи. Каждое из десятков зданий, построенных в последние десятилетия, доньне украшает город – корону Абшеронского полуострова, словно драгоценный камень.

Дома нефтяного короля Мусаева по праву считаются архитектурными шедеврами, а уж о богатстве внутреннего убранства и говорить не приходится. Дом, по-

даренный стариком Мусаевым молодой зазнобушке, – предмет её особой гордости.

Заставляя посетителей терпеливо ждать, пока хозяйка, увитая воздушными кружевами и жемчугами, соизволит спуститься, она упивалась собственным шармом. Она часами вырабатывала «царственную» походку перед огромными венецианскими зеркалами в позолоченных рамах. Зеркала были повсюду, кроме кабинета хозяина. Старик терпеть не мог зеркал, но душечке своей в прихотях не отказывал. Пусть любит, пока они благосклонны к ней.

Городовой, почтительно обнаживший лысеющую голову перед дамой, несколько задержался в глубоком поклоне, подчёркивая свою крайнюю почтительность. Дождавшись, пока она спустится до последней ступеньки, поприветствовал хозяйку, выдувая в пышные усы слова восхищения, украшенные лебезливыми нотками:

– Здравствуйте, чаровница Елизавета Ниловна! – изобразив на лице глубокую озабоченность, городовой, понизив голос почти до шёпота, спросил. – Хворают, слышал, господин Мусаев. Пришёл вот почтение выразить, выздоровления скорейшего пожелать. А что так, бесценная Елизавета Ниловна? Неужели всё так худо? Ежели от меня какая угода, всегда к вашим услугам, сами знаете.

– Благодарю, любезный, – вздохнула хозяйка дома, опустив глаза для придачи внешнему облику душевной трепетности. – И думать боязно, не то что говорить... Правда это, сильно недужит. Только неведомо, чем. Доктора вразумительно не говорят, диагноза не ставят. Все органы, говорят, в порядке. А он будто и не жив уже. Молчит подолгу, глаза прикроет и молчит. Я уж и так, и эдак... Извелась вся. Беспокойна я о нём очень...

«А в зеркала глядеться при всём не забываешь, – подумал городовой. – Плутовка! Видывал таких, в товарняках сотнями на дню прибывают. Из грязи да в князи. И благодетель твой из той же колоды. Не брызни нефтюшка из-под солончаков, так бы по гроб коросту счёсывал да вшей из бороды вычёсывал. Это ты перед басурманом своим выделяйся, чтоб денжат из него поболе вылюбить, чёртова содержанка, шавка безродная. А то как же карточные долги братца непутёвого покрывать будешь? Знамо дело – у тифлиских разговор короткий. Без пользы, однако. Всё равно пропадёт братец. И тебя за собой потянет. Всему время».

– Ай-яй-яй! Вы уж себя берегите, сердешная. Друзьям-то своим огорчения не доставляйте, Елизавета Ниловна, – лицемерно произнёс он вслух. – Обойдётся, думаю, милостью божией. Аудиенции, как я понимаю, никак?..

– О чём вы! – театрально взмахнула ручкой хозяйка, не преминув продемонстрировать дорогуший браслет с изумрудами. – Не обессудьте, друг мой, не сегодня.

– Понимаю, понимаю, – закивал головой посетитель. – Позвольте откланяться. Зайду в другой раз. Передайте супругу мои чаяния о скорейшем его выздоровлении. Обязательно помолюсь о его здравии в воскресенье в храме.

Городовой вышел, аккуратно прикрыв за собой тяжеленную резную дверь. Хозяйка расслабилась, сбросила напряжение с позвоночника, будто сдвнувшись, почти вразвалку стала подниматься обратно вверх по мраморной лестнице. Городовой, хоть и мелкая тюрка, но его всё равно привечать должно. Утомил разгонщик шпаны, «базарный генерал».

– Сария! Кюбра! Куда вы запропастились, чурки деревенские? – вновь приняла свой естественный облик вчерашняя оборва. – Почему в гостиную до сих пор не прибрано?!

Выскочившие на крик госпожи служанки, одетые на европейский манер и ис-

пытывающие от этого явное неудобство (особую нелепость Кюбре придавал постоянно съезжающий до густых бровей белый кружевной чепец), недоумённо переглянулись. Что ей опять не так? Все давно и многократно перетёрто и перемыто.

– Кажется, ханым снова не в духе. С чего бы? – опасливо прошептала Сария.

– Всё с того же, – ещё тише, но не без ехидства подхватила чернобровая Кюбра. – Денежки денежками, а молодой гусар нужен. Кровь кипит, а крышку золотым гнётом прижало. Вот и бесится.

– Что ты несёшь? – зарделась целомудренная Сария. – Услышит ханым, вмиг вышвырнет.

– Не донесёшь, не услышит, – не унималась Кюбра. – Господин-то плох совсем. Кифаят вчера только *нохуд-фалы*¹ на него выстраивала. Худо, говорит, дело. Может, говорит, и до Новруза не дотянуть. И вообще, говорит, Судный день скоро! А её бобы, сама знаешь, как по-написанному...

– Ой, спаси Аллах! Ой, не обрушь на нас гнев свой! Страсти-то какие! Судный день грядет, а я и замужем-то не была ещё... – искренне сокрушалась простушка Сария.

– Оно и лучше, – измывалась под доверчивой девушкой ушлая Кюбра. – Ты в рай попадёшь. Девственницам в раю особые почести. Может, приглянешься там какому-нибудь безвременно погибшему молодому праведнику... – Поняв, что вот-вот рассмеётся, Кюбра зажала рот ладошкой и быстренько ушла к двери, ведущей в подсобку.

– Надо попросить тётушку Кифаят и на меня бобы раскинуть. Неужели правда всё? Ой, спаси Аллах! Смилуйся, не обрушь нашего крова! – заспешила в подсобку и Сария. Она уже перебирала в памяти немногочисленных кандидатов на её руку, которых рекомендовала ей опытная и проворная в своём ремесле сваха Мешади-Ниса. Решила, видимо, успеть до прогнозируемого Судного дня. Но ни один из тех, кого до сих пор предлагала ей шустрая Мешади-Ниса, не ложился на душу: тот староват, этот толстоват, у вдовца детей многовато, у садовника денег маловато. Может, второй женой за конюха соглашаться? Он и молод, и хорош, и не нищ, поди, раз вторую жену решил взять. – Надо подумать, надо подумать.. – с сомнением произнесла вслух Сария и по рассеянности ударила головой о закрытую дверь подсобки. Девушка вскрикнула и схватилась за ушибленный лоб. Место, которым она только что собиралась подумать, мгновенно украсилось нехилой шишкой.

Из-за двери выскочила Кюбра, на ходу вытирая медный поддон для самовара.

– Что такое? – глянула она на девушку. – Ты дверь руками, а не головой открывать не пробовала? Ничего себе украшение! Вот, держи. Приложи поднос, медь хорошо помогает. Как это угораздило тебя?

– Задумалась...

– Неужели? Ты и думать умеешь? Чудеса!

– Прогонит меня ханым, решит, что неуклюжая я...

– Не хнычь. Не до тебя ей. К ним сейчас нотариус прийти должен. Это надолго. Нотариусы каждое слово на весы кладут. Ты поднос холодной стороной перекадывай, быстрее пройдёт. Иди к себе, не мельтеши тут... Иди, подлечи медный лоб медным подносом, – не удержалась Кюбра, чтоб не съязвить.

У парадной двери зазвенел колокольчик. Кюбра пригладила ладонями оборчатый передник, на ходу поправляя ненавистный кружевной чепец, поспешила встречать посетителя. Это он и был – нотариус, устроитель будущего для одних,

¹ *Нохуд-фалы* – (азерб.) гадание на бобах.

обрушитель надежд для других, многомудрый господин Ерлинский. Кюбра приняла из его рук дорогое пальто с кунным воротом, шляпу-котелок и потянулась было за зелёной папкой, которую мужчина прижимал к себе локтем. Но нотариус запрещающим жестом остановил девушку. Она понимающе отступила.

– Ступай, сообщи господину, что я тут.

– Ждёт вас хозяин. Меня предупредили. Я даже новый чернильный прибор на бюро поставила, малахитовый, с серебром. Такой красивый, глаз не оторвать!

– Всё-то ты знаешь, всё-то ты понимаешь, чертовка, – игриво потряс перед её носом указательным пальцем нотариус. – Была бы образованной, взял бы к себе секретаршей.

– Я и своими хозяевами довольна. Храни их Аллах! – Кюбра на всякий случай смотрела в пол, чтоб не выдавать истинного отношения и к нотариусу Ерлинскому, и к безрадостным событиям, предвестником которых он частенько являлся. Фабрики, заводы, буровые, верфи, дворцы – всё это могло уместиться в зелёной папке, на листах плотной гербовой бумаги, исписанной каллиграфическим почерком господина Ерлинского, оформляющего распоряжения нефтяного магната Мусаева относительно наследования его имуществом...

«До чего всё шатко в этой жизни, – думала служанка, глядя вслед неспешно поднимающемуся по ковровой дорожке мраморной лестницы нотариусу. – Денег не меряно, а ни разу улыбки на его лице не увидела. Детей молодыми схоронил, братьев не жалует, у внучек своя жизнь, молодуху только золотая цепь и держит. Помрёт хозяин, неизвестно ещё, надолго ли ей добра хватит. Любит она широко жить. Пустит всё по ветру. И что мне до неё? О себе самый раз подумать. Не наше бедняцкое дело господское считать. Самой бы не пропасть. Последние годы столько всего происходило, что волей-неволей поверишь в мрачные предсказания Кифаят о каре небесной для всего рода человеческого. Говорят, на промыслах снова кто-то народ баламутит. Будто за простой народ радеют. Пустое всё! Одни придут – раздадут. Другие придут – заберут. Верно отец мой говорил, упокой Аллах его душу: у стены стой, пока она в зной тень отбрасывает, а в холод от ветра укрывает, рухнет стена – беги к другой. Сколько же ещё стен рухнет, спаси Аллах!»

3

Старик Мусаев сидел в глубоком кожаном кресле с красивыми золочёными подлокотниками в виде замысловато переплетённых завитушек. Синяя шёлковая косоворотка, скромный стариковский *аракчин*¹ на бритой голове, крупные коралловые чётки перебирались пальцами одной левой руки. Правой рукой он то и дело поглаживал когда-то угольно-чёрную, но уже давно и безуспешно борющуюся с сединой бороду. Иногда останавливал взгляд на каких-то предметах и начинал легонько хлопывать правой ладонью по золочённому подлокотнику. Глубоко посаженные и не выражающие никаких чувств глаза приводили в замешательство присутствующих, если останавливались на ком-то. Очень неприятный взгляд. То ли хищника, то ли жертвы. Елизавета Ниловна заботливо поправила подушку за спиной старика и придвинула стул на гнутых ножках, чтоб присесть рядом. Но супруг взял её за руку и непривычно ласково, почти с нежностью, произнёс.

– Приготовь нам чаю, *балым*².

¹ Аракчин – национальный головной убор, разновидность тюбетейки.

² *Балым* – (азерб.) Медовая мoya.

Это означало «оставь нас с господином Ерлинским одних». Елизавета Ниловна оскорбилась, но виду не подала.

– Да, душа моя, – понимающе кивнула женщина и даже улыбнулась старику. В сторону нотариуса и не посмотрела. Будто и не было его в комнате. Елизавета Ниловна молча вышла из кабинета и плотно прикрыла за собой дверь, делая вид, что предмет обсуждения супруга с нотариусом не волнителен для неё. Абсолютное лукавство! Ещё как волнителен...

– Приступим к делу, с вашего позволения, – нотариус открыл зелёную папку и извлёк оттуда плотный лист бумаги с вензелем внутри герба, который должен был стать родовым для наследников господина Мусаева. Но со смертью единственного сына герб фактически перестал представлять собой символ рода. И сам господин Мусаев, и нотариус Ерлинский понимали это. Нефтепромышленник осознавал это с горечью, нотариус с сочувствием. Господин Ерлинский нацепил на нос пенсне. – Здесь всё, как вы велели, в доработанном виде, с учётом указанных вами изменений. Извольте ознакомиться.

Старик Мусаев принял из рук Ерлинского протянутый лист с посмертными распоряжениями. Но тут же, не читая, вернул его.

– Положите в папку. Я подпишу позже.

– Как вам будет угодно. Будут ещё изменения?

– Нет. Не знаю, придётся ли моё решение по душе наследникам, но я последний вариант считаю вполне справедливым. Тут сомнение небольшое... По поводу доли Елизаветы-ханым. Дом этот и дача в Кисловодске на неё давно записаны, 50 тысяч золотом опять же... Если с умом распорядиться, до ста лет безбедно проживёт. А как вы думаете? Может быть, ещё добавить?

– Я не вправе давать клиентам советы по поводу завещаний. Ваше имущество, ваша и воля. Моё дело надлежащим образом документ составить. Без сучка и задоринки. Так оно и будет, не сомневайтесь, – негромко, но с достоинством и гордостью за свои профессиональные качества ответил нотариус. Про себя он подумал, что Елизавета Ниловна будет рвать на себе волосы, когда узнает, в какие гроши от многомиллионного состояния оценил старик их столь долгий то ли брак, то ли сожительство. Нотариус, конечно, знал, что практически всё завещано первой жене, матери его покойных детей. Кое-что завещано служащим. Так, по мелочи.

Когда, составляя завещание, нотариус спросил, будет ли господин Мусаев включать в перечень наследников братьев, племянников и каких-нибудь других второстепенных родственников, старик резко выпростал вперёд руку и почти ткнул ему в лицо кукиш. Нотариус тогда подпрыгнул на стуле от неожиданности. Такого в его практике ещё не случалось. «Вот им, – гневно хрипел тогда господин Мусаев. – Не дождутся! Вороньё!..»

– ...Мне зайти завтра, господин Мусаев?

– Заходите. После полуденного намаза. Подпишем, запечатаем и... будем уповать на милость Аллаха...

– В таком случае разрешите откланяться, господин Мусаев. Будьте здоровы, – не без облегчения начал прощаться нотариус с завещателем. Общение со стариком Мусаевым, как и прежде, было для него тягостным.

«Мрачная личность, – думал нотариус, принимая из рук служанки свои котелок и трость. – Не поймёшь, с каким бесом исподволь якшается. Мне-то, благо, платит щедро. Но всё ж муторно на душе...»

Всегда вежливый даже с чужой прислугой, господин Ерлинский вышел за порог, не простившись. Кюбра была удивлена и немного огорчена. Она собиралась «прощупать» нотариуса на предмет серьёзности его недавнего предложения: готов ли господин Ерминский дать ей хоть какую работу в своей конторе, если возникнет необходимость? Она прикрыла дверь за посетителем, пожала плечами и ушла в подсобку.

Тем временем Елизавета Ниловна вернулась в кабинет к мужу, неся серебряный поднос со сладостями. Увидев на столе зелёную папку, с трудом сдерживая охватившее её внутреннее волнение, она изобразила полное безразличие и вопросов по этому поводу задавать не стала.

– Почему господин нотариус на чай не остался?

– Спешил. А мы сами, без него, почаёвничаем. Да, *балым?*

– Как скажешь, душа моя. Тебе чай с чабрецом или с мятой?

– Любой, лишь бы из твоих рук! И ещё о чём попрошу, балым. Ты вели мне сегодня тут постелить. Ужинать не буду. Неси чай, балым.

Когда Елизавета Ниловна вернулась с чайником и маленькими хрустальными стаканчиками, зелёной папки на столе уже не было. Женщина подала супругу трость, поддержав под локоть, помогла подняться, краем глаза глянув в кресло. Папки там не было видно. Когда же он успел её спрятать? До чего же ей хотелось заглянуть в эту папку! В том, что её имя, безусловно, там присутствует, сомнений не было. Вот только на каком месте?..

– Истопника позови, *балым*. Прохладно стало.

– Хочешь, я тоже здесь переночую? Посидим у камина, я тебе почитаю.

– Спасибо, *балым*. Не волнуйся обо мне. Я хорошо себя чувствую. Неудобство себе из-за меня не создавай, к себе спать иди. Насчёт фаэтона распорядись. Прогуляемся завтра. Утром, пораньше. Ты не против, *балым?*

– С удовольствием, душа моя! А в галантерейную лавку к Гаджи-Аге зайдём? Я ему на той неделе атласные перчатки заказывала.

– Заедем, заедем. И к галантерейщику, и к модистке, и к ювелиру.

– Ты прелесть! – Елизавета Ниловна игриво чмокнула старика в свободное от растительности место на лице, между бородой и носом. Глазами она всё ещё выискивала зелёную папку и удивлялась прыти старика, успевшего так быстро убрать её. – А мы успеем до полудня? Ты не забыл, что твоих внучек приведут? Дедушку навестить желают. Подросли девочки, уже почти невесты. Ах, летит время!

– Успеем, успеем. Всё успеем!..

Насладившись ароматным чаем и необязывающей беседой, супруги пожелали друг другу доброй ночи и расстались до утра.

Старик Мусаев сбросил лёгкую обувь и, не раздеваясь, прилёг на только что застеленный служанкой широкий диван. Спать не хотелось. Он лежал поверх одеяла, перебирая в руках чётки, а в мыслях – предстоящие дела. С утра обещанная Елизавете прогулка. Потом недолгий визит четверых внучек... Боже, они с каждым годом становятся всё больше похожи на свою покойную мать! Бедная Сейде-Бану, его милая щebetунья, любимая птичка-синичка...

У старика на глаза навернулись слёзы. Он достал платок из нагрудного кармана синей шёлковой рубашки, вытер глаза. А что, если отменить все завтрашние дела, да и поехать за город, погулять по холодному зимнему саду, там, где были счастливы его дети. Он так мало бывал с ними!..

Нет, встречу с Ерлинским откладывать не стоит. Да ещё управляющий просил принять какого-то настырного жалобщика с промысла. Тот уже губернатору письма начал писать. Наверное, времени свободного много стало – бездельник!

Шёлковое одеяло лебяжьего пуха – это вам не ватный матрас поверх соломенного *хасира*,¹ дрёма одолела очень скоро. Старая керосиновая лампа – непонятная для челяди причуда хозяина, такая нелепая в окружении роскоши и великолепия богатого дома, мигала коротким язычком пламени на выступе мраморного камина.

Старик Мусаев с трудом размежил веки, ощутив чьё-то присутствие.

– Это ты, *балым*? Я же сказал, иди к себе, не беспокойся. Позову, если нужно будет...

– Я это, сынок, – услышал хозяин чей-то негромкий голос. Голос показался знакомым.

– Кто здесь? – старик Мусаев всмотрелся в темноту и не сразу разглядел сидящего напротив пожилого мужчину в застиранной деревенской рубаше с распахнутым воротом. – Какой же я тебе сынок? Постарше тебя буду. Кто впустил тебя?..

– А кто запретит мне бывать тут? Я не гость в этом доме. Не ждал?

– ...Ждал... – кратковременный страх ушел, беспокойство рассеялось, стало легко и почти радостно. Старик Мусаев так долго, больше полувека, жил с этим грузом, что успел привыкнуть к нему и не чувствовать бремени. Стародавний грех сросся с ним, стал частью его самого. Как кожа, сердце... душа. Он вздохнул: – Будто кто-то руку держал давеча, чтоб не подписывать... Зря я тогда записку с адресом изорвал. Имя только помню. Кябира, дочь Ага-Мирзы. Кто она?

– Дочка моя. Как мужа не стало, она весточку мне прислала, чтоб забрал её с мальцом к себе. Худо ей жилось у мужней родни, хворала всё время. Хотел вот помочь ей. Распродал последнее, чтоб забрать у недоброй родни, жильё хоть какое справить, сынишку ремеслу хлебному обучить, когда подрастёт. Зажили б вместе... Не в добрый час повстречались мы с тобой, сын саманщика! Доченька моя кровью харкала-харкала, да и померла. С твоим сыном в один день и померла. Внука моего родня пинками и подзатыльниками растила. Чуть воришкой базарным не стал. Немолод уже. Но жизнь у него долгая впереди, потреплет ещё судьбинушка. Даже ты выслушать его не захотел. А ведь долг у тебя перед ним. Неоплаченный ...

– А-а, жалобщик... Завтра приму...

Пожилой мужчина горько усмехнулся и покачал головой.

– Я смотрю, герб твой верёвками перевит. Слукавил ты. Разве этим делом ты на керосиновую лавку скопил? Сам знаешь, что у истоков твоих богатство стояло...

– Ошибаешься, старик. На гербе развязанная лента есть. Та самая ... и сам – герб... холщёвый кисет напоминает.

– Без девяти червонцев...

– Будь они неладны...

– Вот ты как заговорил! Сметливый ты оказался, нечего сказать.

– Ничего уже не изменить.

– Ты и раньше не пытался этого сделать. «Какие горы золота в один миг оборачиваются грудой черепков!» И прежде бывало, и впредь будет. Суета всё...

– Согласен, – старик Мусаев приподнялся, опустил ноги с дивана. Через минуту он с трудом поднялся, подошёл к своему креслу, вытащил из-за подушки, прижатой к стенке, зеленую папку, извлёк из неё неподписанное завещание и бросил

¹ Хасир – грубая соломенная циновка.

его на тлеющие угли в камине. Бумага скукожилась и вспыхнула. – Так лучше.

Он с облегчением вздохнул, опустил в своё любимое кресло.

Один из богатейших людей империи умер ночью, сидя в кресле. В одиночестве. Без прощения и покаяния. На полу перед ним валялись коралловые чётки и раскрытая зелёная папка. Пустая. На потемневшем от жара небольшом куске бумаги внутри камина угадывались очертания герба нефтяного короля Мусаева. Герба, так и не ставшего родовым...

Хоронили его с почестями, как и подобает нефтяному королю. Но не там, где он хотел – около сына, а на городском кладбище. Имущество решением суда было поделено между матерью его детей и четырьмя внучками, но решение это даже не успело вступить в законную силу. Очень скоро всё имущество старика Мусаева, как и других магнатов и «буржуев», было национализировано новой властью и признано государственной собственностью.

А ещё через десять лет дальним родственникам пришлось перезахоронить его останки во «временной могиле» на бросовом участке за городом, так как земля изымалась городскими властями на нужды градостроительства и благоустройства. Ещё через десять лет и бросовой участок за городом был изъят. На этот раз под строительство дороги. И снова останки старика Мусаева, кое-как собранные в кусок ткани вместо савана, были закопаны в условной могиле поселкового кладбища. Совсем недалеко от того места, где когда-то стоял амбар заготовщика сена Мешади-Мусы. Как показало время, и эта могила не стала последним пристанищем для почти утраченных останков нефтяного короля Мусаева.

Пирожки от леди Макбет

Пожилая женщина сидела на диване перед младшей сестрой. Она то и дело утирала покрасневший нос подолом пёстрого штапельного халата и напоминала своим видом гусыню, с которой не решили ещё, что делать, но уже связали лапки.

– А ты соображай, соображай, дура старая, как это предотвратить! – младшая сестра тыкала «двоеперстием» в лоб старшей со злобно-презрительным выражением лица. Наконец она опустилась на стул, расставив ноги и задрав подол широкой юбки. От избытка эмоций у неё даже ляжки запотели. Она отёрла мокрые от пота ладони и лицо краем скатерти и оперлась локтем о стол. – Уф-ф-ф! Ты что, на самом деле не понимаешь? Он тебя в старости с голым задом оставит!

– Почему с голым задом? – перебирала связанными лапками «гусыня». – Квартиру разделим, денег будет давать, сколько надо. Что он мне? Одно раздражение...

– Даст он ей сколько надо! – передразнила младшая сестра. Она согнула руку в локте, изобразив неприличный жест. – Вот это он тебе даст! А сказал, кому машина, гараж, дача? Помнишь, в том году из бампера что выпало на даче? А из банки с краской какой «осьминог» выполз, помнишь, дурында? С этим как? Тоже «посылать будет»? Тебя он посылать будет, если моё мнение узнать хочешь!

Старшая сестра перестала походить на обречённую гусыню. Теперь она больше напоминала лицом её отрезанную голову. Ну да, точно! Тогда, на даче, муж, подавая машину назад, случайно ударил бампером дерево. Удар был несильный, но спрятанное под бампером упало на песок. Это был продолговатый пакет, перетянутый изолентой. А в нём несколько десятков тысяч долларов. Судя по объёму, не меньше сотни тысяч. Муж не заметил и уехал. Повезло ещё, что не в дороге где-то обронил.

Старуха до сих пор жалеет, что вернула ему деньги. Тогда от волнения сразу не сообразила. Да, не оказалась рядом младшей сестры... «Осьминог», выползший из упавшей с полки жестяной банки с краской, – вообще сказочный клад. Муж категорически запрещал домашним без его ведома трогать что-либо в гараже или «наводить» там порядок. Для мужчин не ново. Но жена решила поставить на полку с красками бутылку скипидара. Сдвинутая жестяная банка не устояла, упала с полки, крышка отлетела и вся коричневая краска для пола растеклась. А ещё порвалась толстая резиновая перчатка, связанная бечевой и хитроумно утопленная в краске. Четыре десятка юбилейных советских золотников, выпавших в краску, потом отмывались тем самым злополучным скипидаром. Ну и влетело ей тогда от мужа! Куда он потом червонцы перепрятал?... Да, сестра права, не продешевить бы.

– И-и-и-ищ... – устало вскинула брови «домиком» старая женщина. Она окончательно запуталась в мыслях, не могла понять, какого противодействия мужу ждёт от неё младшая сестра, что ей вообще нужно и что именно привело её в ярость: обида за сестру, огорошенную угрозой развода через полвека супружества или материальная составляющая этого процесса. – Зачем мне его машина? Само собой, машина, гараж – ему. А украшения – мне. А дачу зачем делить? Она внукам останется. Не думала.

Похоже, двухчасовая экзекуция, которой подвергла ей младшая сестра, начала давать плоды. Сомнение стало вытеснять крохи здравого смысла из головы старушки, в перспективе разведёнки. Справедливости ради надо сказать, что эта пара и в молодости-то не была образцом любви и верности. За пятьдесят лет она могла распастись сто пятьдесят раз. Так себе, стерпелось, слюбилось.

– А чем тебе думать? У тебя же вместо мозгов солома! – добивала младшая сестра своей «дальновидностью». – Дача ему от кого осталась? От матери. Ты в договоре есть? Нет! Купчую оформили? Нет! Начинаешь соображать? У тебя только право пользования есть. Формальное. А хозяйничать там другие бабы будут!

– Не-е... – неуверенно протянула старшая сестра. – Там же дети летом отдыхают, внуки...

– Твердолобая же ты! Он купчую после развода оформит, а тебе – вот это, – младшая сестра сложила кукиш. – И детям тоже. Найдёт лису помоложе и всех вас забудет.

Старушка начинала терять голову. Под яростным напором сестры она всё больше склонялась к мысли о вероломстве, лжи и корысти мужа, который намеревался «оставить её с голым задом в старости».

Насколько серьёзным было предположение о готовности мужа в 74 года официально расторгнуть брак, уже не узнать никогда. По сути, они не первый десяток лет просто сосуществовали под одной крышей. И это стало привычным образом жизни, неким укладом, менять который уже не имело смысла. О достоверности разговора про развод судить со слов старушки не стоило бы – эта перевёрт, переставит с ног на голову, доведёт до абсурда, любую самую правдивую информацию. С годами наилучшее свойство её характера только усугублялось. Окружающие снисходительно объясняли всё издержками преклонного возраста и не придавали значения.

– Я вечером поговорю с ним... – с отчаянием в голосе произнесла старая женщина. Она отёрла ладонью подоспевшую слезу и тихо добавила: – Нет, лучше скажу детям, пусть они поговорят...

– Ещё чего! – чуть не подскочила на месте младшая сестра. – Думаешь, у детей о тебе душа заболит, думаешь, они отца отговаривать станут? Не до тебя будет, помняи моё слово. Каждый захочет своё урвать.

– Ой, нехорошо мне, – старшая сестра схватилась за сердце. – Там, в аптечке, корвалол ... принеси.

Закрутившая интригу до сердечных капель младшая сестра принесла стаканчик, подождала, пока женщина выпила лекарство, взяла из её рук пустой стакан и как-то странно и задумчиво на него посмотрела. Дьявольскую суть Диляры – младшей сестры – можно описывать очень долго и очень эмоционально. Эпитетов будет множество! В двух словах – это умело замаскированное абсолютное зло.

– Сделаем так, – обратилась Диляра к сестре, всё ещё задумчиво глядя на пустой стакан. – Ты детям не говори пока ничего. С ним я сама поговорю. Узнаю, чего он удумал, что затеял. А там посмотрим.

Последние, казалось бы, безобидные слова прозвучали как-то зловеще.

– Без меня ничего не предпринимай! Ясно тебе?

– Да...

– Где он сейчас? В гараже?

– Наверное...

– Ладно, пойду я. Надо всё обмозговать. Завтра зайду. Глазные капли принесу. Деньги давай!

– Сколько?

– Сто, – в очередной раз втюхала грошёвые капли заботливая сестрица.

Подавленная пожилая женщина, качая головой, ковыляющей походкой подошла к буфету, открыла стеклянную дверцу и вытащила несколько купюр. Протянула сотню сестре, уже взявшей на заметку очередной сестрин «сейф».

Большой мастер по разработке и воплощению в жизнь самых невероятных авантюрных планов, Диляра перетасовала мысленно таковых не меньше десятка за пять минут ходу до гаража, где обычно по несколько часов в день проводил зять-пенсионер. Зимой «наводил порядок» внутри. Летом доминошничал и тянул пиво с такими же старыми отставниками. Часто просто сидел перед входом, читая какие-нибудь «Военные хроники». Диляре повезло: зять был один, он только что полил и тщательно вымел площадку перед гаражом и сидел на любимой скамейке, явно скучая.

«Ну вот, опять явилась, будет сейчас деньги клянчить», – наверное, подумал старик, завидев игриво вихляющую задом и широко улыбающуюся свояченицу.

– Привет, Тофик, – Диляра приблизилась к мужчине и начала доставать из сумки кошелёк. – Вот, пришла должок вернуть, а тебя дома нет. У меня сотня. Есть у тебя сдача?

– С собой нет, – растерялся от неожиданности зять. Это было впервые. Обычно занятые свояченицей деньги оставались невозвратными. Он раскрыл было рот, чтобы напомнить о прежде одолженных деньгах, но она опередила.

– Тогда я завтра занесу, – хитро прищурился и без того лисьи глаза, свояченица вернула кошелёк в сумку, села рядом. – Уютно у тебя тут. Прямо как на даче! Чистота, цветочки... Дура моя сестра, такому мужу цены не знает. Всю жизнь в достатке, сытости, а недовольна. Как ты терпишь её полвека? Не поверишь, только что снова из-за тебя ругалась с ней. Хотела в твоей комнате прибраться, она не позволила. Дай, говорю, хоть наволочку ему поменяю. Не надо, говорит, обойдётся. Под его, говорит, лысину и такая сойдёт.

– ... Видишь, какая... Змея! – уныло покачал головой старик, отирая вспотевшее лицо большущим клетчатый платком, он всё ещё не взял в толк: какова истинная цель визита свояченицы?

- Не то слово. Гюрза натуральная! Понравились тебе пирожки?
- Какие пирожки?
- Те, что на той неделе приносила. С мясом. Неужели не оставила тебе?
- Не было никаких пирожков. Сто лет домашних пирожков не ел...
- Действительно гюрза. А ещё предупредила! Мужа, говорю, обязательно угости. Знаешь, Тофик, приходи к нам в гости. Назло ей, специально для тебя напеку.
- Спасибо, зайду как-нибудь.
- Чего ждать, в пятницу и приходи.
- Я в пятницу на дачу поеду.
- Инжир созрел уже? Мне на варенье ведёрко не наберёшь?
- Приезжай, сама набери.
- Отлично! Договорились. Я тебе пирожков, ты мне – инжир. Можно внука с собой возьму?
- Бери кого хочешь.

Обстоятельства по ходу сами подсказали дальнейшую схему. Оставалось отработать детали. «Заботливая» свояченица чмокнула зятя в небритую щёку, перекинула сумку через плечо и довольно бодрой для 65-летней толстозапой бабёхи походкой пошла в сторону автобусной остановки кварталом ниже. Зайдя в хозяйственный магазин рядом с остановкой, купила пять упаковок с «крысиным прикормом». В прошлый раз всю приманку соседский кот сожрал. На последнем своём пиру... Загубила жадность рыжего прохвоста. Хозяйка для него кильку брикетиками закупала, курьи гузки специально отваривала, а он по чужим кладовкам шастал. Сколько банок с соленьями недавно с полок сбросил, паршивец! Соседка, правда, в случайность не верила. До сих пор не здоровается.

– В общем, поговорила я с твоим, – придя домой, сбрасывая туфли, кряхтя и отдуваясь, сообщала Диляра сестре по телефону результат своего «миротворчества».

– Ну что тебе сказать? Худо дело, сестрица. Напортачила ты за пятьдесят лет. Он чуть из штанов не выскакивал от злости, когда о тебе говорил. Еле уговорила его не рубить с плеча, повременить, обещала с тобой воспитательную работу провести, чтоб всё по-человечески. Мы с ним увидимся на днях. Ты пока разговоров избегай, на вопросы не отвечай. Наедине с ним не оставайся. Очень на тебя зол, прибуёт, неровен час. Опять ревёшь? Нет, я же сказала, детей не вмешивай. Держи язык за зубами. Я разберусь. Да, обещаю.

– Держать язык за зубами – самое трудновыполнимое для тебя, сестрица безмозглая, – прошипела Диляра, закончив телефонный разговор. Она раскрыла сумку, извлекла красные глянцевые пакетики с крысиной отравой в виде мясной и крупяной крошки, сдобренной солями таллия. Потрясла перед ухом, прощупала пальцами, проверив на слух и наощупь. – И не нужно нам никакого специального разрешения на ношение огнестрельного оружия, – произнесла Диляра вслух, уловив фразу из новостей только что включённого телевизора. В далёком прошлом сотрудница санэпидемстанции, она была хорошо осведомлена о действии солей таллия на грызунов. – Мы и без него кого хошь уложим. Без следов, без крови, без лишних затрат.

Диляра пошевелила пальцами ног, откинулась на диване, обвела взглядом комнату, заставленную изготовленным «под старину» дешёвым ширпотребом. Тишина в кухне удивила её. Обычно в это время заливался трелями её любимец, соловей Бюлик.

Диляра поднялась с дивана, прошла в кухню и ахнула: Бюлик лежал в клетке лапками вверх, приоткрыв клювик. Кормушка и капельница для воды полны, птичка

не притронулась к ним. С утра пел, бодрый был, вроде. За пять лет Диляра очень привязалась к Бюлику. Его внезапная кончина потрясла женщину. Она прослезилась.

– Бедненький ты мой, Бюлик-сюмбюлик! – утёрла Диляра набежавшие слёзы. Она тяжело вздохнула, отперла дверцу клетки, взяла двумя пальцами мёртвую птичку за крылышко и ... выбросила в приоткрытое окно прямо на улицу. – Извини, Бюлик, а дохлый соловей только кошкам в радость.

Женщина переоделась в домашнее, поставила чайник. Пока он закипал, стала протирать пыль с полок с фотографиями и дутыми дипломами за несуществующие заслуги в общественной жизни. Своё фото в белых одеждах паломницы на фоне саудовских минаретов на этот раз передвинула поближе к нарядной металлической табличке с сурами из Корана. Приверженность к Исламу тут ни при чём. В случае с Дилярой это одно из орудий самопиара, как ни кощунственно это звучит. Убедив одного из уважаемых религиозных деятелей в своей «искренней и бескорыстной давней мечте соприкоснуться с праведным духом истинной веры», она, никогда не совершавшая намаз, не соблюдавшая постов и предписаний Ислама, не читавшая Корана, на спонсорские деньги посетила Мекку и, нащёлкав таких вот фотографий, активно тиражировала их в СМИ и среди общественности. Пока неизвестно, какое решение принято в Небесной канцелярии по поводу «добросовестности» лицедейки, удостоившейся приставки «хаджи» к своему имени. А вот общественность поверила. Хотя никаких предписаний шариата старая лиса по-прежнему не выполняет...Рядом с паломниками поставила другое своё фото в белой овальной рамке – с последователями индуистской секты, облачёнными в белоснежные дхоти с мантрами «Счастья» на санскрите в изголовьи. Фото покойного мужа, лицемерно заключённое в самую красивую золотистую рамку с розами и лилиями, решила переставить на декоративный столик с конфетницами и подсвечниками.

– Стой тут, дармоед, – протёрла она стекло, предварительно от души плюнув на него. – Радж Капур хренов!

Презируемому при жизни бесхарактерному подкаблучнику после смерти отводилась роль «горячо любимого, единственного (!!!) мужчины в её жизни». Из кухни послышался свист закипевшего чайника. Диляра сделала раскрытой пятерней жест презрения в сторону фотографии «скоропостижно скончавшегося» несколько лет назад покойного мужа и отправилась пить чай в обществе трёх молчаливых обитателей круглого аквариума и опустевшей клетки погибшего Бюлика.

Договорившись с водителем такси на пять часов вечера, Диляра вынула из багажника два ведра, сумку со снедью и подошла к воротам дачи. Внук, двенадцатилетний мальчик с недовольным выражением лоснящегося от излишнего жира лица, женственной походкой шёл впереди бабки, даже не думая взять из её рук хотя бы пустые эмалированные ведра. Калитка была не заперта. Внук прошёл вовнутрь, не дождавись бабушки и не попрдержав дверь. Женщина едва увернулась, чтоб не схлопотать по лбу железной калиткой. Ей пришлось выпустить из рук ведра, отчего те с грохотом покатались назад. Тихонько ворча, но не смея даже мысли допустить об отсутствии воспитанности у тюленевидного обожанца, Диляра подобрала ведра и вошла во двор. Зять поливал деревья на другом конце. Он не сразу заметил гостей.

– Тофик! – окликнула его свояченица. Она поставила ведра на землю и, не выпуская из рук сумки с пирожками, помахала зятю. – Привет, дорогой! А мы вот в гости

к тебе. Угостишь самоварным чаем?

Старик закрыл кран и направился к гостям. Он широко улыбался. Похоже, был действительно рад. Будет с кем поболтать, посидеть по-стариковски. Он поздоровался за руку с внуком свояченицы, приобнял и её.

– Проходите, устраивайтесь. Там, в кухне, скатерть чистая. Сама разбирайся. Я самовар поставлю. А ты, – обратился к мальчику, – пока инжир можешь собирать. Потом жарко будет.

– Нет-нет, не надо, я сама соберу, – замахала руками женщина. – Пусть ребёнок отдохнёт с дороги.

– Как знаешь, – пожал плечами старик. – А что его в дороге утомило?

– Иди, Сям-сям, погуляй, – обратилась Диляра к внуку. – Я позову, когда чай будет готов.

– Я кушать хочу!

– Сейчас приготовлю, душа моя, – заторопилась Диляра, доставая из сумки пакет с бутербродами. – Погуляй пока.

– Ты что так сюсюкаешься с парнем? Мужик он, в конце концов? Пусть насобирает инжир. Что ему сделается?

– Аллергия у него. Не надо, я сама, – Диляра вытащила из сумки большой пакет с пирожками. – Вот, это тебе, как обещала. Здесь пирожки с мясом. Только чтоб Сям-сям не увидел. Нельзя ему с мясом. Я ему яйца отварила, цыплёнка и бутерброды с сыром. Стараюсь на диете его держать. Спрячь пирожки, пока он не увидел!

Зять вышел на веранду поставить самовар. Диляра убрала в шкаф пакет с пирожками. Она посмотрела в окошко и, убедившись, что внук далеко, с облегчением вздохнула. Внук тем временем мучал черепаху, на свою беду попавшую ему на глаза.

– Дядя Тофик, можно я заберу черепаху домой? – крикнул мальчишка изда-лека старику, потрясая над головой бедной черепашкой.

– Зачем она тебе, Сямочка? Что ты с ней в городе делать будешь? – ответила вместо Тофика Диляра. – Пусть здесь бродит. Здесь песочек, травка.

– Знаешь, какая из неё клёвая пепельница получится? – не унимался внук и вдруг выронил черепаху из рук. Она упала на спину. Мальчик стал хохотать, наблюдая за неуклюжими попытками черепахи перевернуться. Диляра слов внука не разобрала, но его смех бабушку порадовал. К его истерикам и нытью она привыкла, а смеялся он редко.

– Вот что значит чистый воздух! На глазах меняется ребёнок, – умилилась Диляра, глядя на обожаемого дебилоида и про себя добавила: – Ничего, сердце моё, скоро каждое лето здесь отдыхать будешь!..

Юный упырь подтянул штаны, открыл воду и стал поливать голову черепахи. Несчастная тортилла то втягивалась в панцырь, то вновь занывривала в струю, отчаянно растопыривая лапы. Мучителя это приводило в абсолютный восторг. Он буквально визжал от удовольствия, пытая бедное животное.

– Ты что делаешь? Зачем ты над ней издеваешься? – едва сдержавшись, чтоб не дать мальчишке оплеуху, негромко возмутился Тофик. «Обожанец» вздрогнул от неожиданности, он не заметил подошедшего сзади старика. Но старик поднял черепаху, отнял у мальчишки шланг и унёс бедняжку за ворота. – Топай давай, дурёха.

Мальчишка побежал жаловаться бабушке на «вредного старикашку». Он сжал до боли её руку и, брызгая слюной, грязно обзывал хозяина дома.

– Успокойся, потерпи, роднулечка, – урезонивала его Диляра, пытаясь выско-

бодить руку. – Не обращай внимания на дурака старого. Пусть сдохнет! А когда сдохнет, будешь делать, что угодно. Я тебе обещаю, цветочек мой! Иди, полежи пока там, под навесом. Вот, возьми бутерброды, чтоб он не видел. Там и с колбасой есть!

– А когда он сдохне-е-е-ет?! – скулил внучок.

– Скоро, скоро, миленький. Скоро, счастье бабушкино!

– Дача наша будет, да? А-а-а, – хныкало «бабушкино счастье»

– Будет, обязательно будет! Я тебе обещаю, сердце моё. Всё твоё будет! – И все черепахи, и лягушки, и ежи... Успокойся только, не плачь.

– Ежей не надо, они колючие и-и-и...

– Хорошо-хорошо. Не надо, так не надо. Ежей прогоним.

– Нет, не-е-ет, убьём!

– Ладно-ладно, убьём!..

– Кого это убивать собрались? – шутливо спросил хозяин дома. Начала разговора он не слышал. Мальчишка раздражал его, но грубить гостям невежливо. – Давай ведра. Пока ты тут похлопочи, я сам инжир для вас соберу.

– Ой, спасибо, зятьёк. Где у тебя чашки-машки?

– Чашки в кухне, в шкафу, а машки кто где, – пошутил зять. – Я посуду на самый верх переложил. Мышей много стало. Как ёжики завелись, так змеи и пропали. Зато мышкам раздолье.

– Травить не пробовал?

– Нет, не стоит. Это полёвки. Пусть живут. Они только летом шустряют. Зимой в норки спать уходят.

– Спать хочу-у-у, – заныл «обожанец».

– Пойдём, деточка, я тебе под навесом постелю, – засуетилась Диляра.

Хозяин проводил взглядом бабу с внуком, прижимающим к груди пакет с «диетической» снедью, неодобрительно покачал головой, тихонько выругался и пошёл собирать чудесные абшеронские плоды для гостыи и её чрезмерно засюсюканного кревоугодливого внука.

Когда он вернулся с двумя полными ведрами золотисто-жёлтых, отборных, сладчайших плодов, столик на веранде был накрыт и заставлен сладостями, привезёнными свояченицей. Посередине красовалось блюдо с аппетитными глянцевыми пирожками. Старик заулыбался. Он накрыл ведра газетными листами, поставил выше на скамейку, чтоб муравьи не набежали, вымыл руки и уселся за стол.

– Удружила, своячка, спасибо. Вот это красота! Вот это вкуснота!

– И тебе спасибо, Тофик. Хорошо тут! Ты знаешь, как я тебя люблю. Ты мне родней собственных братьев был всегда. Ума не приложу, чего сестре не хватает. Дом – полная чаша, муж – кормилец, хозяйственный, никогда ни в чём не отказывает. Не понять её! Чем старше становится, тем дурнее. Я всегда на твоей стороне была. С утра звонила, уговаривала со мной сюда приехать. На чёрта, говорит, он мне сдался со своей дачей!

– Совсем она обо мне не заботится... Я со зла даже припугнул, что разведусь. Не помогло. Сам себе готовлю, сам стираю. То в гараж бегу, то на дачу, чтоб занять себя, тоску гнать... Я и сам звал её на дачу. Посидим, говорю, постариковничаем, внуков позовём, соседей на самовар пригласим. Дался, говорит, мне твой самовар, помереть там можно со скуки. Справедливо, скажи?

– Дура она! Тут один воздух морской жизнь продлевает. Ты не расстраивайся, я ей выговор сделаю... Кушай пирожки. Там, в шкафу, ещё полпакета лежит.

– Внука не зовёшь?

– Пусть спит. Он кушал уже. Вообще надо его от мучного полностью оградить.

– Согласен, – утвердительно кивнул старик, с удовольствием надкусив пирожок. Было уютно и приятно. Он даже забыл о долге, который Диляра собиралась вернуть. Или притворился, что забыл. Бог с ним, с долгом. – Вкусно! Дай Бог тебе здоровья. Сестра твоя два дня из своей комнаты не выходит, зову – огрызается. Не знаю, какая бзя ей опять в голову стукнула.

– Забудь. Я же говорю – дура!

– Я ещё съем...

– Ешь, ешь! Ешь на здоровье, дорогой. Там ещё много.

– Спасибо. Вечером и под водочку можно. Может, останетесь? – старик умял все шесть пирожков, откинулся в пластиковом кресле, погладил живот и зажмурился от удовольствия.

– Нет, остаться не получится. Инжир скиснет. Сегодня-завтра варенье варить буду. Пожалуй, на следующей неделе заедем с ночёвкой. И винограда наберём. Что тебе приготовить?

– Пирожков ещё...

– С радостью! И пирожков напеку, и кутабов пожарю.

– О-о! Вот это просто сказка!

Долго ещё сидели. Почти два часа. О многом поговорили, многое обсудили, быть-старь вспомнили, на новое посетовали. Сказать по правде, Диляре и самой так понравилось на даче, что уезжать не хотелось: птички поют, уютно, зелено, до моря рукой подать. Но менять планы было поздно...

Скоро за воротами засигналила машина. Таксист приехал. С трудом удалось разбудить внука, крепко уснувшего на свежем воздухе. Он нехотя потянулся, поднялся с раскладушки, подошёл к дереву и бесцеремонно, вовсе без стеснения, стал мочиться. Диляра загородила его собой, даже ей стало неловко. Обожанец застегнул штаны и молча, не попрощавшись с пожилым человеком, вышел за ворота. Тут он заметил черепаху, ту самую, которую пару часов назад подвергал пыткам. Она пряталась среди камней и травы, и сама была похожа на один из булыжников. Мальчишка поднял бедняжку, перевернул на спину и положил прямо под заднее колесо такси. Затем открыл переднюю дверцу и сел рядом с водителем. Помочь бабке донести ведра до машины и не думал. Тофик сам вынес их и пристроил в багажнике. Черепаху не заметил... Диляра поцеловала зятя на прощание, села в машину, ещё раз помахала рукой. Старик постоял, пока такси отъехало, зашёл во двор. Лёгкий толчок под задним колесом водитель принял за неровность дороги...

... – Что за воспитание! – возмущался Тофик противным мальчишкой. – Тупица, злыдня, кабан ненасытный. Что из него вырастет, упаси бог!

Мужчина поморщился, почувствовал слабую резь в желудке. Он забросил в самовар несколько щепок, раздул огонь. Достал из шкафа оставшиеся пирожки и съел все до одного. Все пять. Мясные пирожки, приготовленные заботливой свояченицей, были выше всяких похвал. Немного кружилась голова. Старик решил закончить прерванную днём поливку. Но, нагнувшись за шлангом, почувствовал тошноту и тяжесть в ногах. Головокружение усилилось.

– Переел, – подумал мужчина. – Что поделаешь, вкусно. Ничего, пройдёт. Не каждый день такой праздник для желудка бывает. Полежу немного, пройдёт.

Он зашёл на веранду, лёг на старый диванчик. Почувствовал нечто, похожее на качку.

– Землетрясение?.. – как в тумане мелькнула мысль. И осталась без ответа.

Варенье из инжира удалось на славу. Тягучий янтарный сироп, божественный вкус. Из двух вёдер четыре трёхлитровых балона вышло. Пока варила, дача не выходила из головы – замечательная дача, просто мечта!

В понедельник вечером позвонила сестра.

– Ты мне капли глазные когда принесёшь?

– Занесу, завтра. Тофик приехал?

– Нет ещё. Бухает, наверное, на свежем воздухе. Зачем он тебе?

– Уже незачем.

– Не поняла...

– И не звонил?

– У него нет мобильного.

– Это хорошо...

– Хорошо? Что хорошего? Он обычно в понедельник утром возвращается. Уже вечер.

– Соскучилась? – съязвила сестра.

– Ещё чего! Пусть хоть и вовсе не приезжает. Меня после твоих слов совсем страх взял. Две ночи ворочаюсь, уснуть не могу. А как усну, что только не приснится! Даже его во сне видела: сидит на скамейке, какую-то черепаху рядом положил и ласкает. Дребедень какая-то.

– Черепаха – это хорошо. Черепаха – это к богатству...

На утро следующего дня сестра позвонила снова. Верещала что-то несвязное. То ли причитала, то ли негодовала. Диляра поняла не сразу. Но потом всё стало ясно. Как оказалось, сосед заходил на дачу к Тофику за какой-то мелочью и застал его на полу перед диваном в нелепой позе, без сознания – инсульт. Вызвал родственников. Они взяли «Скорую», поехали на дачу. До больницы не довезли, умер по дороге. По обычаю сегодня похоронят...

– Надо дачу на тебя переоформить, – в канун сороковин сказала Диляра сестре. – Поедем завтра к нотариусу, дашь мне генеральную доверенность, паспорт, все документы. Я сама всё сделаю.

– Нужно с детьми посоветоваться...

– Зачем? На себя оформишь, крепче любить будут. Твоя собственность – гарантия их заботы. Я смотрю, ты совсем ничего не понимаешь. Короче, приготовь документы, завтра всё решим.

Получив на следующий день от сестры «генеральную доверенность с правом распоряжения всем движимым и недвижимым имуществом, правом купли-продажи, переименование и подписи», Диляра занялась переоформлением дачи на имя сестры. Ещё через шесть месяцев сестра, сама того не ведая, «подарила» дачу Диляре. Известно об этом стало только спустя три года, после её смерти. Банковский счёт с девяноста тысячами долларов, унаследованный сестрой от мужа, был оприходован ушлой младшей сестрицей ещё раньше. Всё исполнено без задоринки. Юридически законно. И никаких следов...